

УДК 811.55+81'366
DOI 10.17223/18137083/53/25

А. А. Мальцева

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск
Новосибирский государственный университет*

Синтагматическая сложность глагольных словоформ в алюторском языке*

На материале сплошной выборки из фольклорных текстов на алюторском языке разных периодов рассматриваются такие аспекты количественной синтагматической сложности глагольных словоформ, как глагольная насыщенность текстов и среднее количество грамматических морфем в глагольной словоформе. Несмотря на наличие в алюторском языке сложной двусторонней модели глагольной словоформы, поверхностные глагольные формы включают в среднем по 2,5 морфемы. Это обусловлено отсутствием полной зеркальности категорий по отношению к корню, наличием нулевых морфем, ограниченным употреблением некоторых лично-числовых морфем, а также наличием факультативных квазисловоизменяемых и деривационных морфем. Хотя алюторский язык относится к числу исчезающих, это не оказывает существенного влияния на среднюю синтагматическую сложность глагольных словоформ в текстах. Уровень сложности глагольных словоформ в общезыковых пределах варьирования полностью зависит от отдельной языковой личности. Механизмы, компенсирующие синтагматическую сложность глагольных словоформ за счет снижения частотности глаголов в тексте, алюторскому языку не присущи.

Ключевые слова: чукотско-камчатские языки, алюторский язык, языковая сложность, глагольная морфология.

Чукотско-корякские языки по морфологическому типу относятся к агглютинативным языкам с элементами полисинтетизма, который проявляется в наличии биперсонального спряжения, инкорпорации и значительного количества деривационных морфем разных типов, которые потенциально могут функционировать в глагольной словоформе. Чукотско-корякские языки относятся к редкому типу

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00296 «Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе».

Мальцева Алла Александровна – ведущий научный сотрудник Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, доцент кафедры русского и общего языкознания Новосибирского государственного университета (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alla.maltseva@mail.ru)

агглютинативных языков с двусторонней агглютинацией (см. об этом [Асиновский, Володин, 1987; Володин, 2001]). Показатели некоторых грамматических категорий и деривационных морфем в словоформах изменяемых слов присоединяются к корню с двух сторон в зеркальном отражении. Благодаря этому определенное количество морфологического инвентаря составляют циркумфиксы, состоящие из двух морфологических сегментов, что усложняет линейный облик словоформы.

Целью статьи является исследование синтагматической сложности глагольных словоформ алюторского языка на материале аутентичных, преимущественно фольклорных текстов разных периодов.

В отношении проблемы языковой сложности в данном исследовании проводится верификация некоторых тезисов, выдвинутых Г. Сэмпсоном в связи с развенчанием аксиомы об одинаковой и неизменной сложности всех языков мира [Sampson, 2009].

Согласно первому тезису, сложность может возрастать в процессе исторического развития языка. Подтверждением этого в истории чукотско-камчатских языков является реконструкция лично-числовых форм прачукотско-коряжского языка, выполненная М. Фортескью, по мнению которого первоначально в чукотско-коряжских языках были только постфиксы, префиксы же появились позднее, во время развития субъектно-объектной парадигмы [Fortesque, 1997, p. 372].

Однако естественный процесс развития чукотско-камчатских языков оказался нарушен слишком интенсивным влиянием русского языка. XX в., когда эти языки были документированы, стал для них последним веком монолингвов. В настоящее время среди нескольких сот носителей алюторского языка монолингвов нет. Угроза исчезновения алюторского языка становится все более реальной, количество носителей языка уменьшается, а возраст самых молодых носителей растет. В контексте нашего исследования актуальным является вопрос, каким образом такая социолингвистическая ситуация влияет на языковую сложность, может ли она в связи с этим убывать, меняются ли морфологически сложные глагольные словоформы алюторского языка в сторону упрощения.

Вторым и очень важным тезисом Г. Сэмпсона является то, что сложность языка растет в личной истории индивидуума. 40-летние используют более сложные конструкции, чем 30-летние, а 60-летние – более сложные конструкции, чем 40-летние и 50-летние [Sampson, 2009, p. 14]. В нашем случае требует проверки гипотеза о большей синтагматической сложности глагольных словоформ у носителей языка более старших возрастных групп по сравнению с более молодыми.

Третий, также существенный вопрос – зависимость языковой сложности от индивидуальной языковой компетенции носителя языка. Другими словами, действительно ли то, что одни носители языка создают более сложные морфологические формы, чем другие.

Материалом исследования послужила сплошная выборка глагольных словоформ из 22 произвольно выбранных преимущественно фольклорных текстов на северо-восточном (собственно алюторском) диалекте алюторского языка разных периодов, но по возможности равного объема (500 словоупотреблений). Помимо синтагматической сложности, это позволило выявить «глагольную насыщенность» текста, т. е. количество глагольных словоформ на единицу текста, а также соотношение глагольной насыщенности текста и линейной сложности глагольных словоформ в данном тексте.

К анализу были привлечены следующие тексты:

«Как мыши катались с горы» (1) и «Как Амамкута украли мыши» (2), записанные С. Н. Стебническим в 1928 г. в с. Кичига от А. И. Безугловой (примерно 1882 г. р.)¹;

«Иван-Царевич и Хитрый Лис», записанный С. Н. Стебническим в 1927 г. в с. Кичига от Стейки (примерно 1892 г. р.)²;

«Куткыннюку и Волк», записанный С. Н. Стебническим в 1928 г. в с. Кичига от Кирилла Попова (примерно 1910 г. р.)³;

«Рассказ о традициях», записанный И. С. Вдовиным в 1955 г.⁴ в с. Вывенка от Дарьи Николаевны Плотниковой (В'антыңу) (1890 г. р.);

«Рассказ о прошлой жизни», записанный И. С. Вдовиным в 1955 г. в с. Ветвей от Ивана Николаевича Сахарова (примерно 1893 г. р.)⁵;

«Шаманка Кытна» (1) и «Война» (2), записанные И. С. Вдовиным в 1955 г. в с. Култушное от Максима Трифоновича Варганова (Ивтакрата) (1907 г. р.);

«Как жену Амамкута украли на охоте», записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Дарьи Андреевны Мулинаут (1918 г. р.);

«Как Амамкут женился на саламандре» (1), записанный Ю. Нагаяма в 2000 г. в п. Оссора [Нагаяма, 2015, текст 17]⁶, и «Пестрый кит» (2), записанный автором статьи в 2005 г. в п. Оссора от Марии Иннокентьевны Притчиной (1926 г. р.);

«Волосатый водяной Камак» (1), записанный Ю. Нагаяма в 2001 г. в с. Хаилино [Нагаяма, 2015, текст 12], и «Куткыннюку и орел» (2), записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Хаилино от Матрены Павловны Ивнако (1928 г. р.);

«Царь», записанный автором статьи в 1991 г. в п. Оссора от Евдокии Трофимовны Уваровой (1935 г. р.);

тексты с одним и тем же сюжетом «Как Амамкут женился на саламандре» (1) и (2), записанные в п. Оссора от Екатерины Ивановны Чечулиной (1938 г.р.): в первый раз – совместной экспедицией ИФЛ СО РАН и Новосибирской государственной консерватории в 1992 г., во второй раз – автором статьи в 2000 г.;

«Куткыннюку и Волк», записанный совместной экспедицией ИФЛ СО РАН и Новосибирской государственной консерватории в 1992 г. в п. Оссора от Василия Николаевича Чечулина (примерно 1942 г. р.);

«Как жену Амамкута украли на охоте», записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Веры Васильевны Васагиргиной (1944 г. р.);

«Как научились рожать» и «Куткыннюку, птицы и рыбы», записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Людмилы Степановны Песучен (1952 г. р.);

«Старуха-нинвит и ягодницы», записанный экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Сергея Григорьевича Йокки (1952 г. р.);

¹ Архивные материалы С. Н. Стебницкого хранятся в архиве Отдела языков народов РФ Института лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург. В архивных материалах часто указывается возраст исполнителя, а не его год рождения. Так, в тетради С. Н. Стебницкого написано, что на момент записи А. И. Безугловой было 46 лет. Это самый «пожилой» исполнитель, записанный С. Н. Стебническим, практически все остальные – молодые люди и подростки.

² На момент записи ему было 35 лет.

³ На момент записи ему было 18 лет.

⁴ Часть материалов из архива И. С. Вдовина, 7 текстов, была опубликована в [Кибрик и др., 2000, тексты 16, 19–23, 30], остальные тексты хранятся в научном архиве Института антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург (Кунсткамера), ф. 36, оп. 1.

⁵ На момент записи ему было 62 года.

⁶ Данный текст состоит из 347 словоформ. Песенные вставки в подсчет общего объема текста не включены, глагольные словоформы из них не анализировались.

«Рыттытиниангавыт, дочь Куткиннюку» (1), записанный экспедицией МГУ в 1972 г. в с. Вывенка [Кибрик и др., 2000, текст 7]⁷; «Инпан» и «Как Куткиннюку превратился в женщину» (2), записанные экспедицией ИФЛ СО РАН в 2004 г. в с. Вывенка от Анны Ивановны Поповой (девичья фамилия Киюк, 1953 г. р.).

Все извлеченные из текстов глагольные словоформы, как финитные, так и инфинитные, подвергались морфологическому анализу: выделялась корневая морфема, деривационные показатели разных типов, словоизменительные морфемы. В случае образования глагольной основы от основ других классов слов в расчет брались также деривационные транспонирующие показатели. Нулевые морфемы и эпентетический гласный при подсчетах не учитывались. Циркумфиксы считались как два морфологически сегмента.

1. Модель глагольной словоформы в алюторском языке

Максимальная модель словоформы финитного глагола в чукотско-корякских языках является двусторонней, т. е. все грамматические значения – словоизменительные (*Inflectional*), квазисловоизменительные (*Quasi-inflectional*) и деривационные (*Derivational*) – могут выражаться в глагольной словоформе дважды, в зеркальном отражении по отношению к корню (см. схему и табл. 1).

Структура глагольной словоформы в алюторском языке

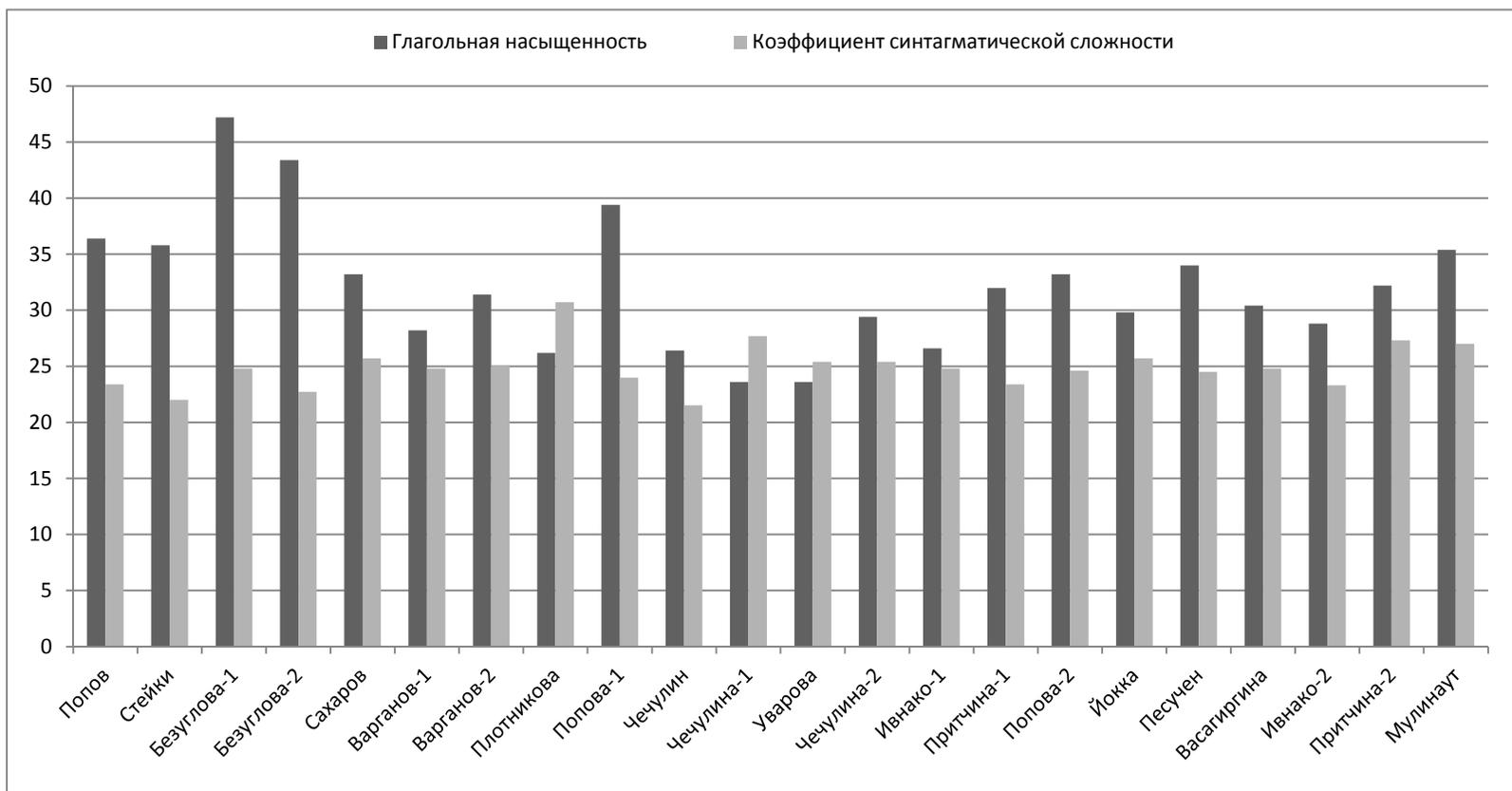
I – Q – D – **Корень** – D – Q – I – Q

Сложность алюторской глагольной словоформы состоит в том, что далеко не во всех словоформах присутствуют показатели из каждой словоизменительной позиции. Например, существуют правила морфотактики, диктующие избирательность в использовании префиксальных или суффиксальных показателей лица в разных частях лично-числовой парадигмы. Так, лично-числовые характеристики субъекта непереходного глагола могут выражаться в глагольной словоформе дважды, если субъект является говорящим (префиксы 1-го лица субъекта *t-* / *tət-* в неимперативе, *m-* / *təm-* в императиве и постфиксы *-k* / *-mək*). Обязательность этих личных постфиксов определяется морфологическим контекстом: они присутствуют в перфективных словоформах с нулевым аспектуальным показателем и опускаются в имперфективных словоформах.

Для субъектов 2-го и 3-го лица префиксальная и постфиксальная лично-числовые позиции находятся в дополнительной дистрибуции. Адресат говорящего (2-е лицо ед. ч.) маркируется в префиксальном порядке, остальные участники ситуации – в постфиксальном порядке. К такому выводу пришел А. Е. Кибрик, который обосновал существование в алюторском языке дейктической иерархии, строящейся на противопоставлении локуторов (участников речевого акта: ‘я’, ‘мы’, ‘ты’) и не-локуторов (партиципантов, не являющихся участниками речевого акта: ‘вы’, ‘он’, ‘они’) [Кибрик, 1997, с. 45, 48].

Непосредственно вокруг корня группируются деривационные морфемы. Между зонами словоизменительных и деривационных показателей располагаются квазисловоизменительные морфемы [Мельчук, 1997, с. 287–288], находящиеся в процессе грамматикализации из деривационных. Еще одна зона квазисловоизменения в алюторском языке связана с показателями числа (*du* / *pl*) пациенса, которые, в случае наличия, располагаются в терминальной правой линейной позиции, что свидетельствует об их словоизменительном статусе. Но, с другой стороны, их использование необязательно, говорящий может ограничиться показателем

⁷ Данный текст объемом 335 словоупотреблений используется для сопоставления.

Соотношение глагольной насыщенности текста
и коэффициента синтагматической сложности глагольных словоформ

Таблица 1

Структура глагольной словоформы в алуторском языке

Режим речевой деятельности	I			Q	D/INC	0	D	Q	I			Q	
	-4		-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4		+5	+6
	Лицо-число субъекта, агенса		Наклонение-время	1-е лицо ед. ч. пациенса	Акциональность, залог, актантная деривация	КОРЕНЬ	Акциональность, залог, актантная деривация	Число	Вид	Лицо-число субъекта, агенса		Лицо-число пациенса	Число субъекта, пациенса (du / pl)
	S/A	A								S	A	P	
Неимператив	1sg	t-	-	(n)?- CON	in(a)- kət- 'внезапно' meŋ- 'сильно' qe- 'слегка' t(a)- DES tur- 'только что' t- (-n-) CAUS ina- AP	-la INTENS -lqiv INCH-DUR -lʔ-at HABIT -ŋ DES -sir INTENS -sit INTENS -sqiv PER -tku ITER -vəŋ REC	-la PL -∅	-∅/-ŋ PFV -γəʔ PFV -tkəni/ -tkən/ -tkə IPFV	1sg	(-k)	-	-γəm	-
	1nsg	mət-	-	t(a)- POT					1nsg	(-mək)	-	-mək	
	2sg	∅-	n(a)-	∅- IND					2sg	(-j/-i)	-	-γət	
	2nsg	-							2nsg	-tək	-tki	-tək	
	3sg								3sg	(-j/-i)	-ni	-n	
	3nsg								3nsg	-t	-	-na	
Императив	1sg	m-	-	-					1sg	(-k)	-	-γəm	-
	1nsg	mən-	-						1nsg	(-mək)	-	-mək	
	2sg	q-	ən-						2sg	-γi	-γ	-γət	
	2nsg								2nsg	-tək	-tki	-tək	
	3sg	n-							3sg	-n	-ni	-n	
	3nsg								3nsg	-na	-	-na	
						Ряд транспонирующих показателей							

3-го лица неединственного числа пациенса, а показатель числа, двойственного (-*t*) или множественного (-*wi*), опустить. В некоторых диалектах алюторского языка, например в юго-западном (паланском), неединственное число пациенса никогда не маркируется. Мы являемся свидетелями процесса изменения лично-числовой парадигмы алюторского языка, который частично происходит под влиянием русского языка. В следующем сконструированном носителем языка примере (1) плюрализаторы агенса и пациенса необязательны.

- (1) mət=ta=n=təjalʏət=an=ŋ=ə(=la)=tk=ə=na(=wwi)
 1nsgA=DES=CAUS=кочевать=CAUS=DES=E(=PL)=IPFV=E=3nsgP(=PL)
 ‘Мы хотим перевезти их (многих).’

Деривационные морфемы факультативны, но могут сочетаться друг с другом, причем в разных комбинациях. В глагольной словоформе алюторского языка возможно употребление до трех морфем из каждой деривационной зоны.

По функциям деривационные морфемы подразделяются на внутрикатегориальные, присоединяющиеся только к глагольным основам, межкатегориальные (транспонирующие), производящие глагольные основы от основ других классов слов, и универсальные, участвующие как во внутрикатегориальном, так и в межкатегориальном словообразовании.

Некоторые деривационные морфемы в алюторском языке являются составными и включают в свой состав самый частотный вербализатор *-at*. Среди составных деривационных постфиксов есть и транспонирующие (*-lt-at*), и универсальные (*-lʔ-at*, *-sʔ-at*, *-mj-at*, *-sy-at* и некоторые другие). При образовании каузативных производных вторая часть этого аффикса, вербализатор *-at*, заменяется на вербализатор *-av*. Для универсальных показателей это свойство проявляется только при их употреблении в качестве транспонирующих, при присоединении к глагольным основам эта комбинация используется как один аффикс.

Таким образом, усложнение линейного состава глагольной словоформы в алюторском языке возможно за счет употребления деривационных и квази-словоизменяемых показателей, а также словоизменяемых морфем с ограниченной дистрибуцией.

2. Глагольная насыщенность текстов

Первый параметр, который обращает на себя внимание при сплошной выборке из текстов, – это разное количество глагольных словоформ на условную единицу текста (табл. 2).

Максимальное количество глагольных словоформ обнаружено в одном из текстов, записанных в конце 1920-х гг. от А. И. Безугловой (236 из 500, что составляет 47,2 %), минимальное количество, почти в два раза меньше – в текстах, записанных от Д. Н. Плотниковой в 1955 г. (131 из 500 – 26,2 %).

Уменьшение глагольной насыщенности текста свойственно хорошим рассказчикам, умело расцвечивающим свое повествование свернутыми предикатами и дискурсивными элементами: атрибутами, сирконстантами, частицами. «Глагольность» понижается также в текстах артистичных исполнителей, моделирующих диалоги, тембром, высотой голоса и интонацией изображая действующих лиц.

К сожалению, в настоящее время нет возможности записать связные тексты от носителей алюторского языка младше 50 лет, поэтому выявить какой-либо зависимости глагольной насыщенности текста от возраста исполнителей не удастся (табл. 3). Гораздо более высокая глагольная насыщенность текстов, записанных

С. Н. Стебнищким, в частности текстов А. И. Безугловой, вероятно, определяется другими причинами, которые будут рассмотрены ниже.

3. Коэффициент синтагматической сложности

Коэффициент синтагматической морфологической сложности глагольных словоформ высчитывается как частное от деления общего количества грамматических морфем, т. е. всех морфем, кроме корневых, на количество глагольных словоформ. Этот коэффициент близок к предложенному Дж. Гринбергом индексу синтеза [Гринберг, 1963] с той разницей, что индекс синтеза подсчитывался для всех слов текста, а мы анализируем только глагольные словоформы. Кроме того, при подсчете индекса синтеза на общее количество слов делилось общее количество всех морфем, включая корневые, нас же интересуют только грамматические морфемы. Важным отличием индекса синтеза от нашего коэффициента синтагматической сложности является то, что индекс синтеза подсчитывался для «языка в целом», мы же определяем этот параметр на материале текстов исполнителей разного возраста, записанных в разное время на протяжении почти столетия.

Коэффициент синтагматической сложности в алыторском языке является достаточно стабильным на протяжении XX – начала XXI в. и составляет в среднем

Таблица 2

Количество глагольных словоформ в алыторских фольклорных текстах объемом 500 словоупотреблений

Год рождения	Год записи	Возраст	Исполнитель	Процент от общего кол-ва словоформ	Количество глагольных словоформ
1910	1928	18	Попов	36,4	182
1953	1972	19	Попова-1	39,4	132
1892	1927	35	Стейки	35,8	179
1882	1928	46	Безуглова-1	47,2	236
1882	1928	46	Безуглова-2	43,4	217
1907	1955	48	Варганов-1	28,2	141
1907	1955	48	Варганов-2	31,4	157
1942	1992	50	Чечулин	26,4	132
1953	2004	51	Попова-2	33,2	166
1952	2004	52	Йокка	29,8	149
1952	2004	52	Песучен	34	166
1938	1992	54	Чечулина-1	23,6	118
1935	1991	56	Уварова	23,6	118
1944	2004	60	Васагиргина	30,4	152
1893	1955	62	Сахаров	33,2	166
1938	2000	62	Чечулина-2	29,4	147
1890	1955	65	Плотникова	26,2	131
1928	2001	73	Ивнако-1	26,6	133
1926	2000	74	Притчина-1	32	111
1928	2004	76	Ивнако-2	28,8	144
1926	2005	79	Притчина-2	32,2	161
1918	2004	86	Мулинаут	35,4	177

Примечание. Жирным шрифтом выделены максимальный и минимальный показатели.

Таблица 3

Зависимость глагольной насыщенности текстов (%)
от возраста исполнителя и времени записи

Возраст исполнителя	Год записи					
	1927/1928	1955	1972	1991/1992	2000/2001	2004/2005
18	36,4					
19			39,4			
35	35,8					
46	43,4					
46	47,2					
48		31,4				
48		28,2				
50				26,4		
51						33,2
52						29,8
52						34
54				23,6		
56				23,6		
60						30,4
62		33,2			29,4	
65		26,2				
73					26,6	
74					32	
76						28,8
79						32,2
86						35,4

2,5 морфемы на словоформу, варьируя в интервале от 2,15 до 3,07 (табл. 4). Максимальный коэффициент синтагматической сложности 3,07 зафиксирован в тексте Д. Н. Плотниковой записи 1955 г., минимальный – в тексте В. Н. Чечулина записи 1992 г. В наших материалах близки по сложности к максимуму глагольные словоформы в тексте Е. И. Чечулиной, записанном в 1992 г. (2,77), тексте М. И. Притчиной, записанном в 2005 г. (2,73), и тексте Д. А. Мулинаут, записанном в 2004 г. (2,70). М. И. Притчина и Д. А. Мулинаут – исполнители самой старшей возрастной группы.

Угасание алуторского языка не вызывает существенного упрощения в структуре глагольного слова и уменьшения среднего количества морфем в глагольной словоформе (табл. 5). Однако с каждым годом самые молодые из лучших исполнителей становятся всё старше, поэтому самые высокие коэффициенты синтагматической сложности в последнее время обнаруживаются только у самых пожилых носителей алуторского языка (70–80 лет), в то время как в 1990-е гг. они еще фиксировались у людей среднего возраста (50 лет).

Тезис о возрастании сложности языка, а именно глагольных словоформ, в индивидуальной истории отдельных носителей алуторского языка нашими наблюдениями не подтверждается. Материал для сопоставления найти очень сложно, и в нашем распоряжении было лишь несколько пар текстов, записанных от одних и тех же исполнителей в разное время: Чечулина-1 (1992) и Чечулина-2 (2000), Попова-1 (1972) и Попова-2 (2004), Притчина-1 (2000) и Притчина-2 (2005), Ивнако-1 (2001) и Ивнако-2 (2004). В двух случаях из четырех зафиксировано уве-

личение коэффициента синтагматической сложности глагольных словоформ, а в двух случаях – уменьшение. Заметим, что сложность глагольных словоформ варьирует и в разных текстах одного и того же носителя, записанных в одно и то же время (ср. Безуглова-1 и Безуглова-2, Варганов-1 и Варганов-2). Вероятно, уменьшение или увеличение сложности зависит не только от языковой личности как таковой, но и от общего самочувствия и настроения человека, которое может меняться, что и отражается на его языковой компетенции.

Наиболее сложные глагольные формы, включающие девять грамматических морфем в аутентичных текстах единичны. Примером может послужить словоформа из текста Е. И. Чечулиной 1992 г., в которой насчитывается как раз девять грамматических морфем, не считая эпентетических гласных.

(2) mən=ʔ=ə=ta=n=ŋav=təŋ=an=ŋ=ə=lqiv=ə=n

1nsgA.CON=CON=E=DES=CAUS=женщина=VBLZ=VBLZ=DES=E=INCH-DUR=E=3sgP

‘Мы хотели бы женить его.’

Таблица 4

Коэффициент синтагматической сложности глагольных словоформ
в алуторских фольклорных текстах

Год рождения	Год записи	Возраст	Исполнитель	Кол-во грамматических морфем	Коэффициент сложности	Максимальное кол-во грамматических морфем в слове
1882	1928	46	Безуглова-2	536	2,27	6
1882	1928	46	Безуглова-1	538	2,48	6
1890	1955	65	Плотникова	402	3,07	7
1892	1927	35	Стейки	393	2,20	5
1893	1955	62	Сахаров	427	2,57	8
1907	1955	48	Варганов-1	350	2,48	5
1907	1955	48	Варганов-2	395	2,51	5
1910	1928	18	Попов	425	2,34	6
1918	2004	86	Мулинаут	479	2,70	6
1926	2000	74	Притчина-1	263	2,33	6
1926	2005	79	Притчина-2	440	2,73	6
1928	2004	76	Ивнако-2	336	2,33	4
1928	2001	73	Ивнако-1	330	2,48	5
1935	1991	56	Уварова	300	2,54	5
1938	1992	54	Чечулина-1	327	2,77	9
1938	2000	62	Чечулина-2	378	2,57	6
1942	1992	50	Чечулин	284	2,15	7
1944	2004	60	Васагиргина	374	2,48	5
1952	2004	52	Песучен	416	2,45	5
1952	2004	52	Йокка	384	2,57	6
1953	1972	19	Попова-1	318	2,40	7
1953	2004	51	Попова-2	408	2,46	6

Примечание. Жирным шрифтом выделены максимальные показатели коэффициента сложности, жирным курсивом – наличие у исполнителя наиболее сложных глагольных форм.

Таблица 5

Зависимость коэффициента синтагматической сложности глагольных словоформ от возраста исполнителя

Возраст исполнителя	Год записи					
	1927/1928	1955	1972	1991/1992	2000/2001	2004/2005
18	2,34					
19			2,40			
35	2,20					
46	2,27					
46	2,48					
48		2,48				
48		2,51				
50				2,15		
51						2,46
52						2,45
52						2,57
53						
54				2,77		
56				2,54		
60						2,48
62		2,57			2,54	
65		3,07				
73					2,48	
74					2,33	
76						2,33
79						2,73
86						2,70

4. Соотношение глагольной насыщенности текста и коэффициента синтагматической сложности

Одной из задач данного исследования было решение вопроса о наличии или отсутствии компенсаторного механизма, задающего корреляцию между коэффициентом синтагматической сложности и глагольной насыщенностью текста. Для этого данные показатели были представлены как однопорядковые (коэффициенты из табл. 4 были умножены на 10) и размещены на одной диаграмме (см. в конце статьи).

В левой части диаграммы обращают на себя внимание случаи очень большого разрыва между этими двумя параметрами в пользу глагольной насыщенности текста. Это касается всех текстов из коллекции С. Н. Стебницкого 1928 г. и текста, записанного экспедицией МГУ в 1972 г. Вероятно, это свидетельствует о редактировании текста либо по ходу записи, что, скорее всего, и делал С. Н. Стебницкий, который записывал тексты от руки, либо уже при расшифровке, как это произошло с экспедиционными записями 1972 г.⁸ Во время редактирования обычно удаляются незначимые, но весьма многочисленные в аллюторском языке грамматические формы местоимений, заполняющие паузы хезитации, а также частицы.

⁸ О том, что экспедиционные записи, опубликованные в [Кибрик и др., 2000], при расшифровке редактировались, на конференции «Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 2–4 декабря 2010 г.) в своем докладе сообщила Ирина Анатольевна Муравьева.

В наших расшифровках эти элементы сохранены, что и отразилось на соотношении исследуемых параметров.

Почти во всех проанализированных текстах глагольная насыщенность выше, чем коэффициент синтагматической сложности глагольных словоформ. Исключения составляют тексты Д. Н. Плотниковой, Е. Т. Уваровой и первый по времени записи текст Е. И. Чечулиной, во всех этих текстах коэффициент сложности выше 2,5. Две последние исполнительницы, записанные нами, были действительно уникальными языковыми личностями: их речь была богатой, экспрессивной, артистичной, они пытались передать интонацию и особенности произношения отдельных персонажей, включая дефекты речи, такие как шепелявость.

Обратное соотношение глагольной насыщенности и сложности глагольных словоформ зафиксировано только в текстах с высоким коэффициентом сложности глагольных словоформ, однако нельзя сказать, что все носители аляutorского языка, демонстрирующие высокий коэффициент синтагматической сложности глагольных словоформ, строят текст таким образом. Это означает, что механизма компенсации сложности глагольных словоформ за счет их частотности в аляutorском языке нет, комбинация этих параметров определяется индивидуальными предпочтениями носителей языка.

Выводы

Несмотря на наличие в аляutorском языке сложной двусторонней модели глагольной словоформы с богатыми возможностями деривации, поверхностные глагольные формы не отличаются большой сложностью и включают в среднем по 2,5 морфемы. Это частично обусловлено парадигматическими характеристиками аляutorского языка: отсутствием полной зеркальности категорий по отношению к корню, наличием нулевых морфем во всех категориях, а также правилами морфотактики, предписывающими ограниченное употребление некоторых личностных морфем. Кроме того, в аляutorском языке происходит процесс грамматикализации одних оппозиций и утраты других, что проявляется в существовании морфем с промежуточным грамматическим статусом – квазисловоизменяемых, которые употребляются почти так же необязательно, как и деривационные.

Сложная социолингвистическая ситуация, в которой находится аляutorский язык, не оказывает существенного влияния на синтагматическую сложность глагольных словоформ. Нет оснований утверждать, что с 20-х гг. прошлого века до настоящего времени глагольные словоформы упростились, однако можно констатировать, что наиболее высокий коэффициент синтагматической сложности сейчас фиксируется только у носителей аляutorского языка наиболее старшего поколения. Возможно, это косвенным образом свидетельствует о возрастании сложности языка в индивидуальной истории, однако наши материалы по конкретным носителям языка, записанным в разное время, такую тенденцию не подтверждают.

Сложность глагольных словоформ одного носителя языка может быть относительно стабильной, а может меняться как в текстах, записанных в разное время с интервалом в несколько лет или десятилетий, так и в пределах одного текста. Тем не менее в пределах границ общезыкового варьирования одни носители языка склонны создавать более сложные языковые структуры, чем другие, т. е. языковая сложность зависит от отдельной языковой личности.

Механизмы, компенсирующие синтагматическую сложность глагольных словоформ снижением частотности глаголов в тексте, аляutorскому языку не присущи. Исполнители, продуцирующие наиболее сложные глагольные словоформы, могут создавать тексты разной глагольной насыщенности.

Условные обозначения

1, 2, 3 – лицо партиципанта; **A** – агенс действия; **ABS** – абсолютив; **AP** – анти-пассив; **CAUS** – каузатив; **CON** – конъюнктив; **D** – деривационный; **DES** – дезидератив; **DU, du** – двойственное число; **E** – эпентетический гласный; **HABIT** – хабитуалис; **I** – словоизменяемый; **IMP** – императив; **INC** – инкорпорация; **INCH-DUR** – инхоатив-дуратив; **INTENS** – интенсив; **IPFV** – имперфектив; **ITER** – итератив; **nsg** – неединственное число; **P** – пациенс действия; **PFV** – перфектив; **PL, pl** – множественное число; **Q** – квазисловоизменяемый; **REC** – реципрок; **S** – субъект действия; **SG, sg** – единственное число; **VBLZ** – вербализатор.

Список литературы

- Асиновский А. С., Володин А. П.* Словоформа агглютинирующего языка в типологическом аспекте // Морфемика. Принципы и методы системного описания. Л., 1987. С. 5–16.
- Володин А. П.* Мысли о палеоазиатской проблеме // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 129–141.
- Гринберг Дж.* Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 60–94.
- Кибрик А. Е.* Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 27–57.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор аллюторцев. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 468 с.
- Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. I: Введение. Ч. 1: Слово. Москва; Вена: Языки русской культуры: Венский славистический альманах: Изд. группа «Прогресс», 1997. 416 с.
- Нагаяма Ю.* Материалы по языку нымыланов-аллюторцев // Materials of Siberian Languages 2. Саппоро, 2015. 82 с.
- Fortesque M.* Eskimo influence on the formation of the Chukotkan ergative clause // Studies in Language. 1997. Vol. 21, No. 2. P. 369–409.
- Sampson G.* A linguistic axiom challenged // Language Complexity as an Evolving Variable / Ed. by G. Sampson, D. Giland, D. Trudgill. Oxford Univ. Press, 2009. P. 1–18.

A. A. Maltseva

Syntagmatic complexity of verbal word forms in Alutor

The paper based on the solid sample from Alutor folklore texts of different periods considers aspects of quantitative syntagmatic complexity of verbal word forms, such as verbal richness of folklore texts and average number of grammatical morphemes per word. Despite the complex two-sided model of verb, verbal forms found in authentic texts include an average of 2.5 morpheme. This is due to several reasons: not all categories in Alutor are marked on both sides of the root, some person-number morphemes are limited in use, there exist zero morphemes and optional quasi-inflectional and derivational morphemes. The status of an endangered language does not significantly affect the syntagmatic complexity of Alutor verbal word forms. Relative level of verbal word forms complexity varying within certain language limits is totally dependent on individual language competence. Linguistic mechanisms compensating syntagmatic complexity of verbal word forms by reducing the frequency of verbs in the text are not inherent in the Alutor language.

Keywords: Chukotko-Kamchatkan languages, Alutor, language complexity, verbal morphology.

DOI 10.17223/18137083/53/25